

Герман Власов

Три рецензии

В льдеме р Вебер, Формулы счастья. Из неопубликованного. Стихотворения, стихи в прозе, м л я проз , очерки. 1957 – 2020 гг. - Москв : Летний сад, 2022, – 144 с.

Поэзия и проза Вальдемара Вебера – всегда оригинальное живое свидетельство, а не пересказ. Из первых рук читатель узнает о том, что платье прабабушки рассыпалось цветочной пылью; о том, как под Черниговом после «минуты молчания» разом завывали собаки или что в сумрачной электричке уже невозможно читать и пассажир невольно поднимает глаза и – рассматривает попутчиков.

Важно, не считаясь с формой подачи, доверительно сообщить, просто указать на то, что способно удивить, на чём стоит заострить внимание, а дальше – длить эту неожиданную ноту. Таких поразительных моментов гармонии и слаженности, узелков на память неожиданно много. Разные и пестрые они собраны в книге «Формулы счастья», охватывающей период более чем полвека. Причем, стихи и стихи в прозе соседствуют здесь с очерками и короткой прозой и расположены они не по дате написания, но перетасованы – отчего книга только выигрывает. Некоторые тексты прошли более поздние редакции. Приведу несколько коротких рассказов:

В больничной палате

На соседней со мной койке неизлечимо больной. Он знает, что дни его сочтены. Жена сидит у изголовья, рассказывает: была на даче, там все в порядке, начала варенье варить. Он напоминает, чтобы не клала сахара больше, чем нужно. Да и вообще, не надо так часто к нему приезжать: «Езди лучше на дачу, яблокиними, а то соседи оборвут...»

1975

или еще одно свидетельство из времени более позднего:

Авось пригодится

Приднепровье. Все, что осталось от немецкого села: красного цвета

черепица с крыши одного из домов, сложенная штабелями. Новые хозяева не знали ей применения.

Так она пролежала 50 лет. На фоне общего запустения такое радение!

«Авось пригодится», – ответил мне председатель.

Началась перестройка. Вскоре я узнал, что он загнал черепицу сыну бывшего хозяина дома, живущему ныне в Германии, посетившему однажды родное село и загоревшемуся желанием покрыть ею в Баварии свой новый дом.

1992

Интересно, что стихи – по большей части верлибры, хотя есть и силлаботонические из ранних – своего рода контрапункты, нагруженные смыслом жизненные перекрестки – строятся на фактическом материале. Это – пандемия, Берлинская стена, поездки в Сибирь – многое, что служит центром притяжения. Причем, абстрактные отвлеченные понятия ментально приземляются и развенчиваются:

*Коллективная вина –
расхожий софизм,
призванный заставить
раскошелиться невиновных.*

2018

Возможно, ключом к пониманию поэтики Вальдемара Вебера послужат стихи, посвященные замечательному поэту Арво Метсу:

*Счастливые не знают,
что существуют несчастные.
Рассказывают им про свои огорчения.
Никакой разницы
между схватившими насморк
и выжившими в цунами.*

и еще:

*Никакого отличия
между
твердыми принципами
и приемами грабежа.*

2016

И, в завершении хочется целиком привести стихотворение, ставшее названием настоящей книги:

Формулы счастья

Счастье это когда
выздоровливает твой ребенок
когда
о себе забываешь
когда понимаешь
что тебя никто не обязывал
быть счастливым
2002

Конов лов Ив н, Бел я мгл 2022. — М.: Форм слов.

Вторая книга стихов Ивана Коновалова – помимо просто поэтического удивления перед миром – еще и способность переноса лирического героя из одного времени, обусловленности, декораций в другое. Здесь человек взрослый под шум ливня становится подростком или, наоборот, юноша перешагивает через поколения назад, в неведомое прошлое. Время отслаивается как обои, счищается как луковая шелуха в попытке обнажить самую суть – недолговечную и ускользающую, подобно кружку влаги от чашки кофе в картине Тарковского. Вот оно было и вот его нет. Не будет нас, разрушатся декорации, высохнут яркие листья листопада, собранные в букет, а теперь напоминающие прическу киноактера, вечно неунывающего и нелепого шутника.

И, всё же, на что похожа жизнь? Есть ли в ней смысл и – если говорить ей *да* – то как собрать ее противоречивость в нечто единое и убедительное? Что служит скрепляющим материалом для образов, вещей и воспоминаний? Ассоциативный ряд – та же рифма для образов – оживает и даже больше: человек волен выбирать себе своё прошлое:

*– На что похожа лестница? – На доску
стиральную. – Допустим. А ещё?
– Тельняшку видел в синюю полоску?..
И на часы. Ступени – это счёт
секунд. Шлепки холодных босоножек –*

*на лето. Дым и голоса – на храм,
где бьются птицами и замирают тоже,
к побелке потолка и краске рам –
как пестик с лепестком нагара – спичка
так хрупко прикипела, прогорев,
а батарея – на погоне лычки –
висит, даря казённый обогрев.
Нет, не на храм, скорее на пещеру,
где гулко и прохладно, где рука
охотника тигриного оцера
нарисовала страх в момент рывка.
На жизнь похожа лестница, на память,
чей призрак хищен и тяжелокрыл,
но если, оскользнувшись, станешь падать,
хватай не перья – тростники перил.*

Стихотворения, написанные за три года, тематически разделены на две части, где вторая представляет из себя отдельную небольшую книгу стихов, посвященную вопросам веры и неверия. Здесь нет переноса, перемещения из одной эпохи и картины в другую, а, наоборот, есть подчеркнутое смешение древности и современности, патриархальности и интеграла:

*<...> напротив Ильинской церкви — арифмометр, механизм,
планового хозяйства рациональный счёт,
так стоит недостроенный, законсервированный коммунизм,
и по рёбрам его бетонным время смолой течёт. <...>*

Однако, человек - будь то, палеонтолог или историк-исследователь - лишь с большей очевидностью сталкивается с еще большей загадкой: как определить инструмент, которым производится замер. Иными словами, сам человек, как свидетель и точка отсчета – есть тайна:

*Ни смальта, ни лазурь, ни ровный взгляд,
ни светлый лик, ни тёмная олифа –
ничто верней не выражает мифа
о боге, чем растресканный квадрат.
Но вот по тучам ниспадает свет,
как складки ткани с мраморного торса,
и – с робостью – для вечного вопроса*

*сморкает приготовленный ответ.
Как трудно жить без детской веры в то,
что я, по крайней мере, буду понят.
Рассудок будто в тёмных водах тонет,
хватая воздух посиневшим ртом.
Пускай квадрат. Пусть чёрная дыра.
Пусть бога нет – есть только дым и пенье,
есть не обман, но олицетворенье,
и духа есть свободная игра.*

Впрочем, ответы – причем, все сразу – могут быть получены на уровне тонком и акварельном, когда все наши вопросы только возникают, а взаимодействие с ними и есть – *пение и дым*.

И т лия Генин , Немое время. (1972 - 2021). ImWerdenVerlag. Мюнхен, 2022.

Избранные стихи из сразу нескольких книг, свидетельствуя о прожитых временах, одновременно представляются ровной ритмической тканью, где автор отмечает ключевые памятные образы. Например: домашний дым, дом-улей без меда, облупленная краска окон, ветка-посох, кислосладкий слоеный запах больницы и, конечно, упрямый лес, с его правом на жизнь.

Вообще же – еще со стихов ранних – характерно стремление к выверенности: дом, стены, окно. Но, вместе с очерченностью личного присутствия – налицо поиски *пятого угла, живой вьюги* Моцарта, обещанного продолжения через *невысказанность и недостижимость*.

В последующих сборниках, где автор живет уже другой повседневностью или смешивает разные, переводя *на славянский тоску с санскрита* и всё более делая форму лаконичной, а язык подчеркнута традиционным, – именно такая попытка высказать невысказанное, как музыкальные паузы, придают текстам объем и глубину:

*Куда мы денемся с тобой
в чужом и нищем балагане?
Там неба нет над головой,
земли не сыщешь под ногами.*

*Мы приравняли смех к слезам,
мы этим тождеством богаты.
Взлетел на воздух наш Сезам.
Постой, остановись, куда ты? <...>*

Отмечу, что по всей краткости высказывания, в лирике Гениной умеет отобразиться эпоха с ее декорациями и отголосками эпох уже минувших:

*В кофейной лавке шарф куплю,
покуда нет войны и мора.
В ответ услышу: «Не люблю
твои причуды, Айседора».
Осенний выцветший рассвет
дохнул из недр иконостаса.
Гляди-ка, жизнь сошла на нет
в преддверье Яблочного Спаса.
Удушье, ладан, западня,
в руках – разменная монета.
Прости меня, спаси меня –
перед концом и тьмы, и света!*

Интересна отсылка к знаменитому «Кинематографу» Левитанского, где автор также говорит о скоротечности и иллюзорности, а, значит, и о неминуемой оглядке в дверях на выходе из земного кино:

*И снова день идёт на убыль,
и мы уходим вместе с ним,
не успевая сделать дубль
и смыть не успевая грим.
Я знаю, близится развязка.
Постой, я следом за тобой,
как чёрная глухая краска –
за голубой.*

Поздние стихи – с нотками эсхатологичности – тем не менее, обнаруживают уверенность в правоте поэта, ибо здесь, будучи ближе к Природе, он (Рубцов ли, Мандельштам и другие) наощупь, как и упрямо растущий лес, тянется к иному измерению, к своему пятому углу:

*<...> А вы, надменные потомки,
махните мне платочком вслед:
Пегас, взлетая, рвёт постромки,
а я гоню велосипед.*

Лаконичность, точность и кажущаяся предсказуемость Наталии Гениной, сближают ее с белорусской поэтессой Ларисой Гениуш (вспомним, например, стихотворение «Ковер», где судьба человека сродни материнскому безупречно вышитому ковру). Однако, часто главный смысл сказанного Гениной остается за кадром или между строк. Таким образом, упоминаемый *пятый угол* – это не очерченность дома или окна, но – горизонт недостижимой цельности, где сходятся все мыслимые лучи.

*Землетрясение в Турции. У нас
пока что тихо. Но не ровен час...
Не стоит продолжать. Покой нам снится.
Журавль – в небе, а в руках – синица.
(Отныне я даю себе зарок
всё главное оставить между строк.)
Раскрашенное жаркое светило
за край холста заходит, чтобы с тыла
ударить на прощанье. А покой
всё ближе, вот уже – подать рукой.*

Примечание:

Герман Власов – поэт, переводчик, редактор. Живёт в Москве.